

Г. А. ДЗАГУРОВ

ВС. МИЛЛЕР КАК СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

В истории русской науки Вс. Миллер представляет из себя редкое исключение по глубине и широте научной мысли и интересов. Он одновременно лингвист, археолог, этнограф, историк, кавказовед; историк древней литературы, исследователь народной словесности. Во всех областях, куда бы ни обратил свой научный взор Вс. Миллер, он вносил в науку нечто новое и при том такое, с которым серьезно считались как современники, так и в последующее время. Не касаясь всех сторон деятельности Вс. Миллера, так как по каждому вопросу имеются особые доклады и докладчики, я остановлюсь на нем только как на собирателе и исследователе народной словесности кавказских горцев. Интерес к Кавказу у Вс. Миллера возникает в 1879 г., когда он совершил первую свою поездку на Кавказ; в эту поездку он ограничивается только изучением сравнительной грамматики иранских языков и кавказской этнографии; главным же образом он изучал осетинский язык. В 1880 году он во второй раз отправляется на Кавказ, в горы Осетии, где записывает осетинские сказания, собирает лексический материал, совершенствуется в знании языка. В 1881 году он в третий раз едет на Кавказ, снова изучает Осетию и посещает 5 Археологический Съезд в Тифлисе, на котором выступает с докладами по истории, археологии и этнографии Кавказа. В 1885 году Вс. Миллер отправляется в свое четвертое путешествие по Кавказу, на этот

раз вместе с ним был М.М. Ковалевский. Вс. Миллер продолжал собирать материалы по осет. языку, но предварительно объехал вместе с М.М. Ковалевским горские общества Кабарды (т. е. Балкарию), производил раскопки, записывал кабардинские народные сказания. Наконец, в 1886 году он совершил 5-е и последнее, путешествие по Кавказу. В этом году Вс. Миллер посетил Чечню, Осетию и Балкарию, где производил преимущественно археологические раскопки. В эту же поездку он записывал тексты на татском языке, который он предварительно изучил в Москве. С конца 80-х годов Вс. Миллер всецело отдается кабинетной работе, ею заполняет он и свои летние каникулы. С начала 1900-х годов он каждое лето проводит на Черноморском побережье. Ни в Москве, ни на Кавказе он, однако, не бросает своих занятий как по изучению кавказских языков, так и исследования народной словесности кавказских горцев. Чтобы судить о том, сколько времени и труда потратил Вс. Миллер в области затрагиваемого нами вопроса, приведу перечень его трудов, относящихся к народной словесности кавказских горцев.

- 1) 1881 г. «Осетинские этюды», ч. I. Осетинские тексты, 164 страницы.
- 2) 1882 г. «Черты старины в сказаниях и быте осетин», 16 страниц.
- 3) 1883 г. «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», 16 страниц.
- 4) 1885 г. «Осетинские сказки» (в сб. ма-

териалов по этнографии).

5) 1886 г. «Кавказские легенды».

6) 1889 г. «Иранские отголоски в народных сказаниях Кавказа» (36 стр.)

7) 1890 г. «Кавказские сказания о циклопах» [10 стр.]

8) 1891 г. «Пять дигорских сказок» [на нем. языке].

9) 1891 г. «Заметка по поводу кабардинской сказки» «Красавица Елена и богатырь-женщина» [7 стр.]

10) 1892 г. «Экскурсы в область русского народного эпоса», XII+292+69.

11) 1892 г. «Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение. Тексты. Словарь», IV+90.

12) 1893 г. «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках» [17 стр.]

13) 1893 г. «Отголоски апокрифов в кавказских народных сказаниях» [—].

14) 1902 г. «Дигорские сказания».

15) Отзывы о «сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» [начиная с 1883 года] и т. д.

Один перечень этих трудов показывает, какими вопросами интересовался Вс. Миллер, касаясь народной словесности кавказских горцев и вообще Кавказа. Вс. Миллер в течение первой половины своей научной деятельности был занят вопросом о посредствующем влиянии Кавказа в деле перехода иранских сказаний на Русь; он хотел выяснить роль иранской культуры, бывшего когда-то соседства русского племени с иранским и тюркскими в развитии и создании даже отдельных сюжетов и образов эпоса русского. Период этот для Вс. Миллера закончился в 1892 г. выходом в свет «Экскурсов в область русского народного эпоса». В этом своем труде Вс. Миллер выступает с 5-х сторон, а именно: 1) он исповедует [если можно так выразиться] вслед за В. В. Стасовым, но с большими оговорками, теорию заимствования, инозем-

ного [иранского через посредство Кавказа] влияния на русский эпос; 2) в силу этого основного пункта своего труда Вс. Миллер применяет при рассмотрении былинных сюжетов сравнительно-исторический метод; 3) материалы, добываемые им для сравнения кавказских народных сказаний, рассматриваются не сами по себе, как продукт творчества того или иного народа, а как материал для истолкования сюжетов русского народного эпоса. «Наш былевой эпос», говорит Вс. Миллер в предисловии к своим «Экскурсам», «представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен. В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприхотливый олонецкий крестьянин. И вот, бродя по загадочной руине, археолог открывает следы разных эпох, разных наслоений: то перед ним византийская фреска, то восточный орнамент, то расписанный свод московской палаты, то деревянная крестьянская клеть, в тайниках он в изумлении находит целый склад любопытных предметов: тут рядом лежат и колпак земли греческой, и палица боевая в 90 пуд., и восточный чувяк, и гусли яровчатые, и трубки немецкие и т. п. Какое необозримое поле для исследований представляет эта удивительная постройка! Когда она была открыта, целое поколение исследователей еще бродило под обаянием первого впечат-

ления: оно было поразительно. Мысль невольно окрылялась, хотелось найти такой пункт, с которого можно было бы обнять все здание одним взором, сразу понять его план, уяснить его происхождение. Это поколение старалось отгадать идею строителей, не пускаясь пока в слишком пристальное изучение частных, и, как всегда бывает при начале разработки нового материала, объяснения были слишком поспешны, широки и вместе односторонни. На более прочным в работах первого поколения осталось указание тех следов истории, которые доселе сохранились в нашем былевом эпосе, хотя и здесь встречались увлечения. Нашему поколению предстояло приступить к изучению деталей, и в этом направлении уже кое-что сделано» [стр. VI—VII]. «Мы вполне сознаем», говорит Вс. Миллер в другом месте [стр. 13], «что, приступая к сравнению некоторых наших былинных типов и сюжетов с восточными, мы вступаем, на почву весьма скользкую; мы хорошо помним, что слишком решительно поставленная гипотеза В. В. Стасова потерпела крушение; мы знаем также и те требования, которые современное состояние изучения народного эпоса предъявляет гипотезе, имеющей притязание на научность, но надеемся в главном и основном удовлетворить этим требованиям». Из восьми экскурсов шесть, за исключением второго и седьмого, обосновывают эту «восточную» гипотезу, причем в приложении помещены две статьи «Кавказско-русские параллели» и «Отголоски иранских сказаний на Кавказе», которые являются иллюстрацией мысли Вс. Миллера о посредствующем влиянии Кавказа в деле перехода иранских сказаний на Русь. Главный герой русско-богатырского эпоса Илья Муромец

сопоставляется с иранским Рустемом, кн. Владимир с шахом Кейкаусом, княгиня Евпраксия, Соловей-Разбойник и др. герои русских былин находят соответствующие параллели в иранском эпосе. На первый взгляд, непосвященному может показаться, что Вс. Миллер в данном вопросе упускал из виду историческую основу, а именно вопрос о том, каким образом Кавказ мог быть посредствующим звеном между Ираном и Русью. Этому вопросу Вс. Миллер коснулся еще в 1881 г. на 5 Архивном Съезде в Тифлисе, в своем докладе на тему, «о значении Кавказа для языкознания». Напоминая, что еще арабские географы называли Дагестан «горой языков», он говорит далее, что сама природа устроила на Кавказском перешейке «так сказать, международную крепость, в которой находили приют многочисленные народы и народы, вытесняемые, с одной стороны, с севера со степи, с другой — с юга, с нагорных местностей Малой Азии, которая, достигшая культуры раньше молодой в то время Европы, сбывала в последнюю излишек своего населения, направляя его из Азии двумя главными путями: один путь — северный, который шел северным побережьем Каспийского моря и Уралом; другой — нагорный, шел через Малую Азию и кавказские горные проходы». Народы эти в своем наступлении на южно-русские и горные выси Кавказа должны были, по мнению Вс. Миллера, постоянно испытывать напор новых переселенцев, которые бесконечной вереницей тянулись из Азии и, уступая друг другу дорогу, были оттесняемы либо к северному берегу Черного моря, либо на север или на юг Кавказа. Заканчивая свой труд «Экскурсы», Вс. Миллер приводит следующую оговорку, смягчающую

крайность выводов В. Стасова: «мы, конечно, не согласимся с ним, что наши былины плохо скроены по иноземным образцам, не будем искать этих оригиналов исключительно на Востоке, не будем искусственно отрывать наш эпос от русской истории, но, именно, в силу ее указаний, признаем вместе с Стасовым, что эпические сказания соседних с Русью степняков должны были оказать влияние на русский эпос» (стр. 217). К этому Вс. Миллер прибавляет: «конечно, истинная самобытность нашего эпоса не потерпит ни малейшего ущерба, сколько бы заимствованных сюжетов в нем ни указали исследователи. Нужно помнить, что усвоение чужого материала для народа возможно только под условием радикальной его переработки на свой лад. Наш же народ имел уже весьма рано настолько богатый былевой эпос, настолько твердые традиционные приемы эпического склада, что все чужое, что к нему проникало, переливалось уже в готовые формы народного склада, приобретало печать народности и быстро становилось родным достоянием» (стр. 232). Сделав такие значительные оговорки, Вс. Миллер тем не менее в приложении («Кавк.-Русск. параллели», «Отголоски») старается, применяя сравнительно-исторический метод, выяснить вопрос о переходе иранских сюжетов через посредство Кавказа на Русь. Естественно, что материал для сравнения должен быть иранский, кавказский и русский. Из кавказских сказаний Вс. Миллер для своей цели необходимый материал черпает из северокавказского нартского эпоса, известного и сохранившегося до сих пор у осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев и т. д. Рассматривая этот эпос, Вс. Миллер устанавливает, что, во-первых, он

представляет из себя «один эпический цикл, который можно назвать северокавказским и который некогда сложился в степях северо-западного Кавказа, а впоследствии зашел в горы, где главным образом и сохранился, во-вторых, «на плоскостное происхождение указывают весьма ясно кабардинские и осетинские нартские сказания»; в-третьих, «наибольшее число нартских сказаний сохранилось у кабардинцев и осетин»; в-четвертых, «в настоящее время северокавказские нартские сказания уже переживают период вымирания». «Есть полное основание думать, что известные нам кабардинские, горско-татарские, осетинские и чеченские сказания представляют лишь скудный остаток более полного и богатого цикла». Главные мотивы северокавказского нартского эпоса следующие:

- 1) враждебные встречи богатырей нартов с великанами; между нартами и великанам происходит постоянная борьба; побеждают благодаря своему умственному превосходству нарты;
- 2) поездки с целью набегов для угона скота; возвращение с богатой добычей; одиночный подвиг одного из нартов, обыкновенно самого молодого;
- 3) пиры нартов в свободное от набегов время; состязания в плясках и играх;
- 4) кровная месть;
- 5) чудесное рождение некоторых нартов;
- 6) отсутствие в эпосе центрального лица в соответствии с политическими обстоятельствами, не выработавшими среди северокавказских народностей центральной государственной власти;
- 7) вовлечение в нартский эпос с течением времени отдельных сказочных сюжетов. «Особенно сильное влияние», — говорит Вс. Миллер, — «оказали на осетинский эпос некоторые иранские сюжеты (Рустем, Бежан) и грузинские сказания о Дареджановых, вероятно, также иранского происхождения».

После этих предварительных замечаний о северокавказском нартском эпосе В.С. Миллер переходит к рассмотрению отдельных мотивов кавказских эпических сказаний, представляющих параллели или аналогии к русским былинам.

- 1) Святогор сравнивается с осетинским героем Мукара;
 - a) «богатырское дуновение» вроде «мертвого духа»;
 - b) наказание божеское богатырей за борьбу с силой нездешней;
 - c) погрязание Святогора в земле за похвалу перевернуть всю землю;
 - d) мотив овладения богатырем женой великана;
 - e) поднятие «тяги земной»;

Вывод В.С. Миллера: «Если все вышеприведенные параллели еще недостаточны для утверждения, что кавказские сказания о великанах, составляющие весьма обильный отдел кавказских народных сказаний вообще, непосредственно повлияли на наших былинных великанов и великанш, то для нас достаточно и того вывода, что между кавказскими и русскими сказаниями может быть намечено специальное родство, как бы оно ни объяснялось, и что последнее отчасти намечает путь распространения на Руси некоторых сказочных мотивов».

- 2) Илья Муромец и нарт Урузмаг; Илья и Батраз.
 - a) простое происхождение обоих;
 - b) по возрасту оба старшие;
 - c) спокойная самоуверенность обоих и заботливость о младших;
 - d) Урузмаг защитник и охранитель всего народа;
 - e) безымянный сын Урузмага;
 - f) смерть Батраза и Ильи;

Вывод В.С. Миллера: «Во всяком случае, остается тот факт, что тело самого сильного нарта было погребено, по повелению бога, ангелами, черта, разделяемая русским эпосом с кавказским, как бы она ни объяснялась».

3) Добрыня — Урузмаг; Добрыня — Ашик-Кериб. Вывод: «В общем отношении между рассмотренной кавказской сказкой и былиной таково, как между оригиналом и копией. Мы не можем, конечно, утверждать, что в основе былины лежит именно та редакция сказки, которую пересказал Лермонтов, но все же непосредственный оригинал былины весьма близок к приведенной сказке и, конечно, проник в наш эпос не с запада, а с востока».

Не останавливаясь на других параллелях, приведем общие выводы В.С. Миллера. «Находя одни и те же сюжеты на Кавказе и на Руси», говорит В.С. Миллер, «должны ли мы считать Кавказ их родиной, из которой вследствие давних сношений прикавказских народностей с Русью эти сюжеты проникли на север и запад, или же более вероятно, что одни и те же сюжеты могли быть в известный период заносимы и в кавказские горы, и в южно-русские степи. Последнее по некоторым географическим и историческим соображениям нам представляется более вероятным. Припомним, что кавказская этнография вполне уяснила факт, что гигантский горный хребет, представляющий широкую, труднопроходимую стену между двумя морями служил искони убежищем для множества народов, которые двигались с востока на запад по обе его стороны, по северным степям и южным плоскогорьям малой Азии». С юга сюда заходили через Армению, Грузию, Албанию сюжеты и типы из иранского эпоса и могли переходить по ту сторону хребта на северную плоскость; с севера в горы заходили сказания степных кочевников, занимавших северо-кавказские равнины в течение всех средних веков под различными названиями — гуннов, болгар, хазар, половцев, ногайцев, та-

тар. Подтверждение этих двух течений Вс. Миллер находит: 1) в популярности до сих пор некоторых сказаний о Русете на Кавказе; 2) в северном степном происхождении нартовского эпоса.

Отсюда Вс. Миллер делает вероятное предположение, «что именно степные кочевые тюрские народности играли значительную роль при распространении одних и тех же сказочных сюжетов на Кавказе и в юго-восточной Руси, были посредниками между славянами и северо-кавказскими народностями».

«Кочевники, приносившие восточные сказочные мотивы из Азии, где некоторые из тюркских племен могли усвоить себе и мотивы богатого иранского эпоса, представляются нам», заканчивает Вс. Миллер, «естественным звеном, связывающим оба богатырские эпоса: южный-кавказский и северный-русский».

Во второй статье приложения: «Отголоски иранских сказаний на Кавказе» Вс. Миллер, применяя тот же сравнительно-исторический метод, исследует вопрос о переходе иранских сюжетов на Кавказ. Не разрешая окончательно вопроса, Вс. Миллер заканчивает свою статью таким образом: «Вообще историко-сравнительный метод до сих пор не был прилагает к произведениям грузинской поэзии, и это составляет для истории перехода восточных сказаний на Кавказ, существенный пробел, восполнить который должны исследователи грузинской литературы. Они оказали бы немалую услугу для истории литературного общения востока с западом, познакомив нас подробно с содержанием тех многочисленных рукописных «историй» и «поэм», которых списки появлялись время от времени в статьях покойного Броссэ».

От иберистов же Вс. Миллер ожидает и разрешения вопроса о пере-

ходе иранских эпических сказаний на Кавказ. Только после разрешения этих предварительных вопросов иберистами можно будет решить и другой вопрос: «отражаются ли в народных кавказских сказаниях об иранских богатырях грузинские литературные обработки или отголоски устных, занесенных на Кавказ иранских сказаний или, наконец, то и другое соединенно?»

Новая восточная гитотеза Вс. Миллера подверглась сильной критике проф. Дашкевича, вследствие чего он пересмотрел вопрос и придал своим работам другое направление, обнаружившееся в «Очерках русской народной словесности.» В предисловии к этому труду Вс. Миллер уже говорит: «нельзя возлагать чрезмерных надежд на эти «параллели»; нельзя думать, что детальный разбор разных странствующих сказочных сюжетов, устанавливая их генетическую классификацию, может уяснить во всех случаях и пути их перехода от народа к другому. Конечно, я и теперь считаю сравнительный метод в высшей степени плодотворным для уяснения той общей сказочной пищи, которой питалось в течение многих столетий воображение и западного европейца, и русского, и наших инородцев, и жителей азиатского востока. Уже эта общность множества сюжетов дает нам возможность смотреть более правильно на творчество каждого отдельного народа, насколько оно проявилось в усвоении и переработке общего бродячего духовного добра» «Сомневаясь в успешности гаданий, которые неизбежны, если мы не имеем письменных литературных источников для былины, я», говорит далее Вс. Миллер, в «Очерках» «редко пользуюсь сравнительным методом для заключений о пути проникновения в наш бы-

левой эпос того или иного былинного сюжета, я больше занимаюсь историей былин и отражением истории в былинах, начиная первую не от времен доисторических, не снизу, а сверху». При такой точке зрения и применении такого метода вполне естественно, что Вс. Миллер после 1892 г. уже не посвящает специальных статей народной словесности кавказских горцев и Кавказа. Он сосредоточивает свое внимание на лингвистике и рус. народной словесности. Тем не менее Вс. Миллеру принадлежит честь разработки целого ряда и других вопросов народной словесности кавказских народов.

1) Вопрос о Прометее. Этот вопрос Вс. Миллер рассматривает в статье «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам». Рассмотрев целый ряд параллелей, Вс. Миллер на поставленный вопрос об отношении греческого Прометея к кавказскому дает следующий ответ: «греки, подобно другим арийским народам, вынесли из Азии широкораспространенный чуть ли не у всех народов миф о борьбе бога света со змеем, о победе первого над вторым и о заключении змея под гору. Последняя форма сказания развилась особенно у народов, знакомых с вулканами. Затем у греков уже были представления о нисшествии земного огня с неба, при чем божество, принесшее людям огонь, в течение времени, при смене древних верований новых и прежних богов новыми типами (олимпийцами) становится, таким образом, соперником новому миродержцу Зевсу и переходит в разряд титанов, бунтовщиков, приравниваясь вследствие этого к древнему змею. Понятно, что этого древнего бога огня, при новом порядке вещей, должна постигнуть судьба древнего змея, и прежний миф

наслаивается на другое лицо. Как соперник Зевса, Прометей также должен быть прикован к скале, как был некогда скован Тифон, соперник того-же Зевса». С течением времени греки выработали изящный тип Прометея. Когда же они завязали сношения с Кавказом, то они могли услышать там предания о прикованном к скале великане и увидеть в последнем своего Прометея.

2) В статье «Черты старины в сказаниях и быте осетин» Вс. Миллер настаивает на значении кавказского эпоса, в котором, на основании подвигов, совершаемых осетинскими богатырями (нартами), он находит намеки на древнее географическое расположение нынешних народов и на передвижение народов из Азии в Европу через Кавказский перешеек. Там-же он старается найти след появления в южнорусских степях скифов и сарматов, упоминаемых классическими писателями за несколько столетий до нашей эры.

а) Обычай скальпирования у скифов;
 б) круговая чаша нартов уацамонгæ (у скифов: употребление раз в год круговой чаши, наполненной вином для тех, кто за этот год принимал участие в избиении неприятеля);

3) Апокрифические следы в нартовском эпосе. Вс. Миллер указывает следующие: а) Батраз: о сотворении мира, о Ное, с посылаемыми им для разведок вороном и голубем, и рассказ о смерти Моисея;

в) нарты ночуют в гигантском человеческом черепе. Голова Адама;

с) Сказание о чудесном рождении девочки от мертвой матери—сказание о патриархе Нире.

д) Закаление Батраза в раскаленном горне и апокриф об Аврааме, которого Нимврод бросает в раскаленную печь и т. д.

Таков Вс. Миллер как исследователь кавказских эпических сказаний. Но он

не только исследователь, он одновременно и собиратель их. Наибольшее число записанных им сказаний приходится на осетинские, затем еврейско-татские и кабардинские. Записи его, если судить по осетинским сказаниям, отличаются большой точностью. Относительно осетинских народных сказаний, изданных полуименем Вс. Миллера, справедливость однако требует отметить, что многие из них, если не добрая половина, были записаны природными осетинами (Туккаевым, Собиевым, Гардановым и т. д.); Вс. Миллеру принадлежит честь их научного издания и перевода на русский язык.

Наконец, нельзя не отметить и ежегодных отзывов Вс. Миллера о «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издания Кавказского Учебного Округа. Отзывы эти всегда отличались обстоятельностью и проливали свет на материалы, находившиеся в них, в особенности по народной словесности.

Резюмируя все сказанное о Вс. Миллере как о собирателе и исследователе народной словесности народов Кавказа, мы приходим к следующим выводам.

- 1) Вс. Миллер является одним из самых замечательных исследователей кавказского эпоса в его различных разновидностях;
- 2) рассматривая Кавказ как передаточный пункт между Востоком и Западом, (Русью), Вс. Миллер привлекает материал из кавказского эпоса, применяя

историко-сравнительный метод;

3) Вс. Миллер является одним из первых собирателей памятников устного народного творчества разных кавказских народов, главным образом, осетин;

4) отзывы Вс. Миллера о «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» способствовали как поднятию научного значения этого издания, так и более глубокому и всестороннему изучению народной словесности;

5) слабой стороной Вс. Миллера как исследователя кавказского эпоса является то, что он рассматривал кавказские эпические сказания не как продукт творчества того или иного народа, а как подсобный материал для выяснения вопроса о взаимоотношениях Востока и Запада и о проникновении восточных мотивов в русский эпос. Несмотря на это, отдельные его статьи не потеряли своего научного значения и до сих пор.

Заслуги Вс. Миллера перед русской наукой и перед молодой научной дисциплиной — кавказоведением огромны. Помянем же его в сегодняшний день добрым словом как ученого, в талантливом духовном организме которого природа сочетала «пытливый ум исследователя, тонкое понимание высокой ценности знания, впечатлительность восприятия и отзывчивое сердце гуманного человека», друга угнетенных народов.

Печатается по: НА СОИГСИ. Фонд Г.А. Дзагурова. Оп. 1. Д. 57. С. 81-96.